

ПРИНЦИП ЗЕРКАЛА

Д.С.РОЖДЕСТВЕНСКИЙ*

Принцип зеркала подразумевает создание условий взаимодействия, в которых пациент видит в психоаналитике лишь собственное отражение, полагая, что перед ним – реальный объект.

Альфред Рост

Я назову эту пациентку Алисой: как будет видно далее, выбор имени не случаен. До сих пор не знаю, расценивать ли ее терапию как успешную или признать, что я на сей раз заблудился, словно в лабиринте. По крайней мере, вопросов здесь возникло больше, чем было найдено ответов. Я показал ей, как мог, истоки ее страданий, и она как будто бы смогла использовать их осознание себе во благо. И все-таки иногда мне думается, что произошедшее между нами за этот период легче рационализировать, нежели понять до конца.

Женщина двадцати четырех лет, замужняя, неработающая, обратилась ко мне за помощью по весьма прозаической причине: ее изводила бессонница. Уже около года ей, как правило, удавалось ненадолго засыпать лишь под утро; сон длился не более четырех часов, после чего она ощущала себя разбитой и смертельно уставшей. Она и вправду выглядела осунувшейся, словно прозрачной, как бывает от чрезмерного утомления. Спать ей хотелось последнее время практически постоянно. Однако, ложась в постель, она будто сама себе не позволяла забыться и расслабиться. Напряжение не снималось ни сексом, ни рюмкой коньяка на ночь. Врачи не находили у нее органических отклонений, ставили диагнозы от

* *Рождественский Дмитрий Сергеевич* – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой истории психоанализа Восточно-Европейского института психоанализа, супервизор и обучающий аналитик Национальной федерации психоанализа (г. Санкт-Петербург).

неврастении до депрессии, выписывали снотворные препараты, но решить проблему в корне были бессильны. «У меня такое чувство, – сказала Алиса, описывая свое состояние, – что я не могу заставить себя перешагнуть какую-то грань, чтобы уснуть: этот шаг вроде бы нетруден, но в последнюю секунду я словно останавливаю себя».

Алиса не сумела точно определить, с какого времени проблема стала обретать для нее актуальность. Трудности с засыпанием в той или иной мере преследовали ее и раньше, притом, что спать она хотела, сколько себя помнила: «Я не выспалась за всю жизнь». Так, одним из наиболее мучительных воспоминаний детства для нее был утренний подъем в детсад: она старалась спрятаться под одеялом, стать крохотной и незаметной, но мама была неумолима: «Ты уже большая девочка». В школе на уроках она клевала носом, к негодованию учителей; в институт почти никогда не являлась к первой паре, так как засыпала не ранее трех часов ночи и лишь около девяти утра заставляла себя открыть глаза. Этот режим в итоге сделался для нее обычным. Впоследствии, однако, сон стал приходиться еще позже, а дневное ощущение разбитости усилилось. Проблема все настойчивее требовала решения также и потому, что в перспективе Алиса планировала выйти на работу по специальности. Уже два года после получения диплома она вела жизнь домохозяйки, но не собиралась оставаться в этой роли до конца дней.

Бессонница – более точно, нарушение засыпания – не лучший объект для психоаналитической терапии, если она не ситуативна, а является симптомом, например вегетативно-функционального расстройства. Еще Фрейд относил подобную проблематику к разряду актуальных неврозов, недоступных изобретенному им методу. Однако развитие психосоматической медицины в тридцатые годы помогло решить эту задачу, сместив акцент исследования с символического значения симптома на условия его формирования. С другой стороны, диагноз сам по себе мало что говорит о перспективах лечения: огромную роль для исхода последнего играет мотивация пациента, его психологическая любознательность, способность к объектным отношениям и т.д. Меня смущал перманентный характер проблемы, но более важными казались следующие предварительные выводы: я не имею дело ни с шизофренией, ни с биполярным психозом; девушка неплохо мотивирована к работе, свободно и связно излагает мысли, вербализует чувства; по-видимому, склонна к интроспекции. Последнее подтверждалось ее словами о невозможности перешагнуть порог между явью и сном. Одновременно эти слова позволяли допустить психологическую природу страдания – что не противоречило результатам обследований. В основе психореактивных нарушений подобного рода

лежат, как правило, вполне доступные осознанию конфликты (Любан-Плоцца, 1996). «Я попробую Вам помочь, – сказал я Алисе, – но будем говорить не только о бессоннице. Она – следствие многого, что происходит в Вас, и нам необходимо узнать об этом как можно больше. Бессонница любит неосвещенные закоулки души; когда ей станет их не хватать, она уйдет».

Опушу многие аспекты прошлой и нынешней жизни Алисы и сосредоточу внимание на главном. Она была единственным ребенком в семье. Воспоминаний об отце – помощнике капитана торгового судна – у нее практически не осталось, так как он умер, когда девочке было пять лет. Образ его запечатлелся в ее памяти как «вечно ускользающий». Когда отец вновь уходил в море на полгода, побыв дома месяц или два, ей не сообщалось об этом заранее; лишь позднее она начинала понимать, что папа опять надолго (может быть, навсегда?) исчез, и втайне переживала, полагая, что всему виной ее непослушание и капризы. Напротив, мать, по ее словам, «навязчиво присутствовала рядом». Это присутствие Алиса ощущала как постоянный контроль: даже в детсаду она чувствовала себя более свободно, как ни мучительно было подниматься туда по утрам.

Из ее рассказов можно было сделать вывод, что, глядя на дочь, мама обращала внимание не столько *на нее*, сколько на то, все ли *в ней* в порядке (отдаленная аналогия: с той же разницей видят картину в музее посетитель и реставратор). Непорядками могли быть самые разные вещи: насморк, чернила на пальцах, недоеденный завтрак и т.д. На любой из них ей указывалось мягко, но в такой форме, что он заслонял собой все. Алиса помнила, в частности, какую досаду испытывала, подбегая к маме поделиться школьными впечатлениями и слыша в ответ: «Хорошо, но почему у тебя ногти плохо подстрижены?» – «После этого, – признавалась она, – пропадало всякое желание продолжать». Если она позволяла себе выразить обиду, мать реагировала отрицанием: «Нет-нет, ты не сердись, ты ведь умница». Когда девочка начинала чересчур досажать матери, мешать ей, та неизменно сообщала: «Вот когда ты была совсем маленькая, ты мне никакиш хлопот не доставляла, все время спала. А как заворачо-чаешься, запищишь – я тебя покачаю, и ты опять засыпаешь».

Слушая пациента в ходе интервью, я избегаю поспешных выводов, но волей-неволей строю предварительные догадки о природе его проблем – хотя в дальнейшем они нередко оказываются ложными. Последние слова Алисы заставляли вспомнить о случаях отношений, в которых мать навязывает ребенку себя как реальный объект – тем самым препятствуя развитию его фантазийной активности. Вместо того чтобы обретать способность удовлетвориться фантазией об укачивающих материнских ру-

ках, то есть засыпать с помощью интроекта, ребенок будет по-прежнему требовать укачивания реального. Из подобного типа коммуникаций, диктуемого чрезмерной боязливостью матери, врачи «парижской школы» выводят слабую способность к фантазированию и «приземленное» мышление психосоматических больных (Marty, 1963). Но вернусь к рассказу пациентки.

Смерть отца как будто не оставила Алисе глубоких впечатлений. Все было, как она вспоминала, тихо и буднично. Он болел, лежал в комнате, куда ее пускали редко. Она помнила запах лекарств, его неподвижное осунувшееся лицо, полузакрытые глаза. Мать говорила: «Папа отдыхает». Потом в доме появилось много незнакомых людей, и большое трюмо в передней завесили черным покрывалом. С тех пор только фотография осталась в гостиной, и она рассматривала ее с удивлением: лицо было не похоже на то, что сохранилось в ее памяти. Когда отец снился Алисе, он был не таким, как на фото, а таким, каким запомнился ей, – «почти составившимся». На самом деле умер он в тридцать с небольшим.

Так, в связи с отцом, мы впервые коснулись темы сновидений. Алиса упомянула о них сначала вскользь, как бы не предполагая, что это может заинтересовать меня. Ее, кажется, удивило, что я стал расспрашивать о деталях сна, но отвечала она охотно, даже воодушевленно. В тот раз я заметил на прощание, что сны могут оказать неоценимую помощь в нашей работе. Не помню, что она сказала на это, но помню, что как-то по особому взглянула на меня, уходя.

С этого времени сны стали главным предметом монологов пациентки. Ее рассказы о них оставляли любопытное впечатление: они напоминали откровения об иной жизни как антитезе серому, утомительному бытию, о желанном и недостижимом состоянии умиротворенности. Интересна была и манера повествования. Алиса как бы вправду засыпала, не закрывая глаз. Она могла путешествовать по сновидениям, казалось, бесконечно – едва изложив содержание одного, переходила к следующему; словно не особо задумывалась, что из этого можно извлечь, но получала удовольствие от самого процесса перебирания их в памяти. Я не заметил, в какой момент оставил попытки уловить смысл в череде ее образов, и вместе с ней «поплыл по течению». Вскоре, однако, я почувствовал, что тоже засыпаю; чтобы встряхнуться, воспользовался паузой и поинтересовался, чем для нее являются сны. «О, – сказала она, – это очень загадочный, завораживающий мир, это как другое пространство. Оно завлекает. Я люблю вспоминать все, что я там видела. Иногда это даже помогает уснуть».

Что бы ни рассказывал пациент в ходе сессии, он делает это с определенной целью, – даже если последняя вынесена за рамки его сознания.

Важно понять, к удовлетворению какого желания он при этом стремится. Я задавался вопросом, для чего Алиса разворачивает передо мной, одну за другой, картины своих сновидений, но, конечно, не мог озвучить его в такой именно форме. Когда человека спрашивают: «Зачем Вы говорите об этом?», он, как правило, слышит: «Не надо об этом говорить». Повинуясь наитию, я сказал девушке: «Какое интересное ощущение: своими снами Вы меня будто мягко уводите из реальности». Она задумалась, но тут же, улыбнувшись, возразила: «А может быть, наоборот, веду в нее?» – «В нее?» – «Ну да, ведь сны – это тоже реальность, только измененная, с другой стороны...» – «Вам хотелось бы, чтобы я побывал там с Вами?» – «Да. Там столько чудесных вещей, столько загадок. Я многое не могу передать словами: оно ускользает. Если бы Вы сами смогли увидеть...».

В это охотно верилось: даже то, что она передавала словами, производило впечатление. Сны Алисы были действительно яркими, причудливыми, и то напоминали сказки Гофмана или гоголевские фантазмагии, то заставляли вспомнить о вымышленных, но предельно реальных мирах Свифта. Алиса бродила по городам, где вместо людей жили птицы на человеческих ногах и лошади со слоновьими хоботами; блуждала в старых, покинутых обитателями домах, где самые узнаваемые и обыденные запахи и звуки ее собственной прошлой жизни сочетались с незнакомым и нарушающим все законы пространственной геометрии расположением коридоров и комнат. Она испытывала приятную жуть, спускаясь в подземелья, где обитали крохотные черные создания вроде чертиков, не известные науке и «древние, как сама жизнь»; шла бесконечной зеркальной галереей, в которой платья на ней менялись сами собой; играла с таинственными узорами и многоугольниками, вдруг оживающими и превращающимися в котят. То был, в самом деле, бездонный мир – мир ее бессознательного, полный невиданных образов и красок. Однако в том, что происходило, была одна насторожившая меня странность.

Сновидения пациентов обычно весьма меня занимают и, как правило, стимулируют к активной работе: поиску скрытых содержаний, интерпретации конфликтов и т.д. Но сны Алисы, как ни странно, скорее усыпляли: я не грешил против истины, сообщив девушке о чувстве утраты реальности. Несколько раз я почти задремывал в течение ее монологов и лишь в последний момент усилием воли заставлял себя «вынырнуть». Что могло быть причиной сонливости, вовсе для меня не характерной? Мое внимание переключилось на невербальные аспекты происходящего. В ходе сессии пациентка почти неотрывно смотрела мне в глаза; также неизменно, с некоторым запаздыванием копировала мою позу. Кроме засыпания, это создавало смутное ощущение преследования. Какая-то мысль

все время кружилась на окраине моего сознания – что-то, сказанное Алисой прежде, будто ключик к нынешней ситуации, – и я не мог ни отвязаться от нее, ни ее ухватить.

Сон хотелось стряхнуть. Я спросил что-то – Алиса ответила; я переменил позу в кресле, – минуту спустя она в точности повторила мое движение. Еще одна попытка через некоторое время – и вновь тот же результат. При этом она продолжала говорить ровным голосом, с плавными модуляциями, перемежая повествование недлинными паузами. Я улавливал не столько суть ее повествования, сколько интонацию и ритм. Вкупе с повторением жестов и неотвратимым взглядом все это создавало гипнотический, усыпляющий эффект. Мне пришло в голову, что мои ощущения и действия напоминают то, как не желающий спать ребенок реагирует на колыбельную. Вправду ли Алиса приглашала меня таким образом к совместному путешествию в иную реальность, в завлекающий мир сновидений? Или ее невольной целью было другое – ослабить мое внимание, разрушить контроль?

Проективная идентификация – сильное средство. С этим способом взаимодействия мне приходилось встречаться не раз, и я знал, как трудно бывает справиться с тем содержанием, что пациент помещает в тебя тончайшими невербальными средствами – интонацией, мимикой, жестом. Проективная идентификация в моем понимании не сводится к примитивной защите путем внедрения в объект собственной неприемлемой части, как нередко полагают и в наши дни; во всяком случае, еще О.Кернберг отмечал, что одним из важнейших следствий этого процесса становится сохранение эмпатийной связи Эго с проецируемыми содержаниями (*Кернберг, 1965*). Соглашаясь с данным тезисом, я также разделяю точку зрения У.Биона на проективную идентификацию как на особое слияние с объектом, поиск себя в нем, вызываемый потребностью в совместном переживании (*Бион, 1959*). В нашем случае Алиса сама как будто дремала, вспоминая детство или рассказывая сны; засыпал и я с ней, становясь продолжением ее самой, позволяя охватить себя границами ее Я. Точно так же она делалась продолжением меня, кладя, как и я, ногу на ногу или подпирая ладонью щеку.

Когда-то я предположил, что проективная идентификация – это своеобразное средство диалога, позволяющее пациенту донести до терапевта то, что лежит за пределами вербального опыта (*Рождественский, 2001*). В свое время М.Пордер высказал точку зрения, согласно которой при проективной идентификации пациент, манифестируя родительский перенос на терапевта (являющийся скорее предсознательным, чем бессознательным), одновременно – и гораздо более скрыто – занимает позицию могуществен-

ного родителя, заставляя собеседника пережить то, что сам переживал в неподдающемся воспоминанию детстве (Porder, 1987). Дополнив эту версию упомянутым тезисом У.Биона, я мог бы добавить, что данный способ коммуникации рожден потребностью дать другому почувствовать то главное, чего нельзя сказать словами. Пожалуй, мой вопрос к себе – с какой целью пациентка пытается меня усыпить? – следовало изменить и спросить: почему я так сопротивляюсь тому, чтобы уснуть? Откуда берется мое желание не только проснуться, но и разбудить ее, приняв иную позу или другим способом поставив границу меж нами? Моя ли это тревога или ее собственная, исходящая из детского опыта? Или я испытываю то же нетерпение, с каким мать будила ее по утрам, чтобы вести в садик? Наконец, является ли мое засыпание попыткой отстраниться от нее или, наоборот, соединиться с ней «в другом мире», за гранью реальности? Все эти вопросы, разумеется, оставались без ответов.

Уже около месяца Алиса посещала мой кабинет трижды в неделю, и было заметно, насколько этот процесс сам по себе необходим ей. Она напоминала человека, утоляющего долго мучившую его жажду. Заканчивала сессии она с видимой неохотой: «Я только-только почувствую себя здесь ребенком, которому все позволено, как подходит время – и все, Вы со мной как со взрослой». Со стороны показалось бы, что ничего не происходит. Алиса ложилась на кушетку (работа теперь велась с кушеткой), говорила о своих мыслях и фантазиях, о жизни прошлой и настоящей – так, будто не ждала никаких ответных реакций; рассказывала сны, не требуя от меня их толкования. Я практически не вмешивался, лишь изредка задавал проясняющие вопросы; в остальном – слушал и молчал. Иногда мои мысли отвлекались на совершенно посторонние темы. Я не мешал им, зная уже, что любая попытка вернуться в «здесь и теперь» повлечет реакцию засыпания, справиться с которой будет непросто. Мое внимание было в подлинном смысле «плавающим». На очередной сессии, однако, пациентка заставила меня бодрствовать: она сообщила, что видела накануне неприятный, отчетливо запомнившийся сон, который показался ей чрезвычайно важным. Она хотела, наконец, узнать, что я об этом думаю. Приведу далее небольшой фрагмент нашего диалога.

Алиса: Мне снилось, что я нахожусь в парикмахерской, собираюсь сделать новую прическу. В парикмахере я узнаю преподавателя из моего бывшего института, но почему-то меня это несколько не удивляет. У него в кресле, перед зеркалом, спиной ко мне сидит незнакомая женщина. Парикмахер показывает мне на нее и говорит: «Ты же хорошо ее знаешь». Я отрицаю это, он продолжает настаивать; тогда я раздраженно кричу: «При чем тут я? Вы же ничего не знаете, Вы сами себя-то не можете узнать».

Тогда он тоже смотрится в зеркало и говорит: «Я – это я». А я начинаю с ним спорить: «Нет, не Вы; смотрите внимательнее». Вот и все, потом я проснулась. Что из этого можно извлечь?

Я: Вы уже знаете: чтобы понять сновидение, нужны Ваши ассоциации к нему...

Алиса: Да, но я не знаю, с чего начать.

Я: Для начала могли бы Вы сказать, отчего именно этот сон показался Вам столь важным?

Алиса: Он какой-то странный... и неприятный. Мне редко снятся неприятные сны – такие, что хочется проснуться.

Я: Что в нем было неприятно?

Алиса: Чувство близящегося кошмара. Его еще нет, но он вот-вот накатит, буквально ниоткуда. Так и случилось бы, если бы я не проснулась... (*Молчание*).

Я: (*после паузы*). Продолжайте, пожалуйста. Что-нибудь еще?

Алиса: Я не понимаю, почему вдруг этот человек оказался... парикмахером. Не вижу никакой связи. Почему он вообще мне приснился? Я его едва помню, он преподавал математику на первом курсе и никаких эмоций у меня не вызывал. Я должна была увидеть в этом сне кого-то... (*Молчание*).

Я: Должны были увидеть кого-то...?

Алиса: Это предчувствие кошмара появилось, когда он стал поворачиваться к зеркалу. Кажется, я могла заметить в зеркале лицо, но это было бы не его лицо, а ... (*Пауза*). Все, дальше мыслей нет.

Я: Что можно было бы сказать о той женщине?

Алиса: Она незнакома мне... Больше ничего.

В тот раз мы мало продвинулись в понимании этого сна. Ассоциации Алисы поначалу были словно заблокированы: ей просто ничего не приходило в голову. Она долго не могла что-либо сообщить по поводу преподавателя математики, пока не вспомнила вдруг, что его звали, как и меня, Дмитрием Сергеевичем; но это открытие пока не пролиvalo свет на происходящее. Лицо в зеркале оставалось пугающей загадкой. В отношении женщины она продолжала настаивать, что та совершенно не узнаваема. Тогда я предложил попытаться мысленно нарисовать ее портрет, зная по опыту, что в его чертах непременно мелькнет нечто знакомое. На это пациентка, некоторое время спустя, сказала: «Я никак не могу увидеть ее со стороны», и затем: «Мне кажется только, что она не похожа на меня».

Я: Следовательно, Вы сравниваете себя с ней и, видимо, предполагаете, что могли бы быть похожи... Скажите, кого нельзя увидеть со стороны?

Алиса: Самого себя – если не смотреть в зеркало. Но если долго разглядывать свое отражение, начинает казаться, что видишь кого-то другого...

Я: Причем, совершенно не узнаваемого. Мне вспомнилось, как удивленно Вы сказали однажды, что, бывая здесь, сами себя не узнаете...

Алиса: Да, меня удивило тогда, насколько просто было бы уснуть у Вас на кушетке. Я была совершенно расслаблена, почти засыпала и не боялась этого, пока Вы не спрашивали о чем-то...

Я: Мои вопросы заставляли этого бояться?

Алиса: «Бояться» – не вполне то слово... не знаю, почему оно вырвалось. Но когда Вы их задавали, я сразу понимала, что сна на самом деле нет.

Я: То есть, если Вы не могли показать мне, что спите, то и сами разувлялись в этом, не так ли?

Алиса: Да. Господи, ведь это то же самое, что бывает по ночам, когда я стараюсь уснуть...

Принцип зеркала в психоанализе подразумевает коммуникацию, позволяющую пациенту видеть в терапевте собственное отражение. Хотя пациент не отдает себе в том отчета, сновидение способно иногда приблизить увиденное к порогу сознания: думаю, что одна из его функций – показать человеку происходящее с ним в ракурсе, недоступном бодрствующему мышлению, разумеется, в завуалированной форме. Алиса «не узнавала себя» не из-за непривычно расслабленного самоощущения – скорее, наоборот, из-за того, что я не отзеркаливал ее «спящей», «маленькой», какой она склонна была чувствовать себя рядом со мной. Говоря «не боюсь засыпать здесь», она подразумевала «боюсь здесь не уснуть»; вглядываясь в свое отражение, видела незнакомое лицо, которое не позволяло переступить порог сна. С другой стороны, и я сопротивлялся узнаванию себя в пациентке, когда переживал засыпание как нечто чуждое себе и прилагал усилия, чтобы остаться в реальности. Сновидение сообщало нам об этом ее репликой: «Вы сами-то себя узнать не можете!» Но что за «незнакомое отражение» не давало Алисе засыпать по ночам?

Как-то раз она отправилась с мамой в парк культуры и отдыха, где среди аттракционов был павильон кривых зеркал. Подведя дочку к зеркалу, мать пошутила: «Вот такая ты и есть, узнаешь себя?» Алиса протестовала, злилась (как в сновидении в ответ на реплику: «Ты ведь знаешь эту женщину!»), утверждала: «Дома я в зеркале другая». – «Дома у нас зеркало кривое, – отвечала мама, – а это правильное». Вернувшись домой в тот день, Алиса долго рассматривала себя в зеркальном трюмо. В конце концов, у нее и впрямь возникло ощущение, что видит она не себя. Она не знала, кто был перед ней. Алиса вспомнила эту историю в

связи со сновидением, вернувшись к нему месяц спустя. «По этой или иной причине, – сказала она, – но позднее я много думала о зеркалах: появилась мысль, что там другой мир, где мы видим себя иначе или, в самом деле, оказываемся другими. И что для тех, кто там обитает, зеркала – окна в наш мир...».

Глядясь в терапевта, пациент видит собственное отражение, хотя предполагает, что перед ним – реальный объект. Если долго вглядываться в зеркало, перестаешь узнавать свое лицо: оно начинает казаться чужим, незнакомым. Как все это похоже на то, что происходит во сне! Сновидение, как и зеркало, позволяет взглянуть на себя со стороны, увидеть то, что нельзя увидеть иначе, что недоступно для бодрствующего разума. Человек может не узнавать во сне себя, предполагать, что видит других людей – не отдавая себе отчета, что все они суть его внутренние объекты, персонифицированные ментальные содержания. Алиса с этого времени стала часто делиться со мной фантазиями о Зазеркалье – «параллельном мире». «Все это безумно притягивает и пугает одновременно, – сказала она однажды, – сон и зеркало – будто разные двери в одно пространство, перед которыми я всякий раз стою в нерешительности». – «Страшно войти туда, – добавил я, – но и страшно не суметь этого сделать». – «Я теперь понимаю, – ответила Алиса, – почему у меня тогда вырвалось слово “боюсь”. Вопросы, которыми Вы меня останавливали, – это как предостерегающие оклики, когда я оказывалась на грани. Я боюсь, что, переступив ее, когда-нибудь не смогу вернуться назад».

Она произнесла это таким тоном, что мне стало не по себе. Ей будто и впрямь открывалось что-то потустороннее, что для дневного сознания недосягаемо. Помню, я даже сказал нечто рационально-разумное то ли про законы оптики, то ли про механизмы сновидений. Мне вновь хотелось уцепиться за реальность. Помолчав, она ответила очень спокойно лишь: «Может быть, с той стороны наша логика выглядит так же абсурдно?»

В тот день меня посетила мысль, что я имею дело все-таки с психической личностью. Но были ли основания считать ее безумнее тех, кто верит, например, в загробную жизнь или в переселение душ, или тех, кто подвержен суевериям? Вероятно, предположение диктовалось тревогой: как будто, пытаясь удержать ее в МОЕЙ реальности, я сам избегал к чему-то слишком приблизиться.

В последующие дни Алиса иронизировала над своими фантазиями, словно почувствовав, что – по ее выражению – «забрела куда-то не туда»; ее поведение на сессиях стало менее регрессивным, ассоциации – более интеллектуальными. Однако затронутый материал уже, как выведенная

из тюбика зубная паста, не хотел прятаться обратно. Было очевидно, что мы на пороге темы смерти, то есть жизни «по ту сторону» некоей грани.

Ключевым моментом этой части работы стала сессия, на которой она рассказала сновидение о встрече с отцом. Вновь он не был похож на свою фотографию в гостиной, и она спрашивала: «Почему ты на карточке не такой?» – «Потому что на ней я в другом месте, – говорил он, – а каким я тебе больше нравлюсь?» Ей следовало сделать выбор, и она чувствовала тревогу: ведь в зависимости от ответа она навсегда осталась бы там или здесь.

«Я вспомнила еще одно, – сказала она, – когда отец умирал, мне говорили: не беспокой его, он отдыхает... Точно те же слова я слышала от мамы прежде, когда он просто ложился спать. И зеркало, они завесили зеркало черным покрывалом, а я безумно хотела заглянуть за него, увидеть то, чего видеть нельзя... Но это было так страшно, что я не решилась».

«Как и в Вашем сне про парикмахерскую, – заметил я, – но все же что это могло бы быть?»

«Я не помню, откуда у меня появилась эта мысль, может быть, я слышала от кого-то, что есть такая примета, или сама себе напридумывала... Как будто зеркало закрывают, потому что в нем можно увидеть того, кто умер».

«Да, так же, как Вы видите умершего отца во сне. Переступить грань сна – это все равно, что заглянуть за покрывало...»

«Да, он опять ускользнул от меня... за эту грань. Знаете, мне раньше не верилось в его смерть: я представляла, что он жив где-то, только стал выглядеть совершенно иначе. Я мечтала встретить и узнать его... – Она долго молчала. – Когда я пытаюсь заснуть и будто останавливаю себя, это похоже на мои колебания в сновидении. Я не могу выбрать: остаться в жизни или пойти вслед за отцом».

«Вы...»

«Нет-нет, Вы не поняли: это просто ассоциация, то, что пришло в голову. Я не собираюсь умирать, но спать и видеть сны – это так чудесно. Когда отец снится мне, я иногда понимаю, что сплю, но говорю себе: ну и что? Теперь он здесь, и здесь я могу видеться с ним...».

Опять было молчание; и молчали мы, как я чувствовал, не вместе – поодиночке, каждый о своем. Десять минут спустя по дыханию пациентки я понял, что она спит.

Мне пришлось разбудить ее к концу сессии, хотя и не хотелось этого делать. Кажется, она была смущена. В следующий раз, вернувшись к этому событию, она сказала, что я исчез для нее в те минуты, как и кабинет,

и кушетка – вообще все. Она не помнила, что ей снилось, но поделилась фантазией: она представила себя в центре сферы, зеркальной изнутри. «Я со всех сторон, – сказала она, – всюду одна только я». – «И Вы узнаете себя?» – «Нет, ведь узнать себя можно, если есть с чем сравнивать; а там, кроме меня, нет ничего. Но зато нет и проблемы выбора...».

Легко узнать в этой фантазии мироощущение младенца, который распространяет свое Я повсеместно, отрицая внешнюю реальность; возможно, даже младенца в материнской утробе. То же происходит с человеком во сне, где его либидо полностью оторвано от объектного мира: куда бы он ни глядел, он всюду видит одного себя. Пока мать окружает будущего ребенка со всех сторон, он может безопасно спать. Позднее неизбежно деление на себя и мир вокруг; зеркало размыкается, превращаясь из сферы в плоскость, отсекая реальность от отражения. Мать становится для младенца первым зеркалом, глядясь в которое, он обретает свою реальность, получает представление о себе как отдельном от объекта. Было похоже, что стоять по эту сторону зеркала для Алисы означало оставаться рядом с матерью, сделать шаг в Зазеркалье – предпочесть мир отца. Иначе говоря, пугавший ее выбор был выбором между симбиозом и эдиповой привязанностью. Но как могло возникнуть ощущение неправильного отражения – того, что не позволяло ей утвердиться в своей идентичности и перешагнуть эдипов порог?

Анализ нашего взаимодействия в терапии со временем помог ответить на этот вопрос. По-видимому, мать Алисы отличалась повышенной боязливостью по отношению к девочке, точнее, к любым проявлениям ее индивидуальности, самости. Комфортнее всего она чувствовала себя, когда ребенок спал. При эмоциональных вспышках, капризах, попытках добиться внимания она усыпляла дочь, вместо того, чтобы отразить («Заворочаешься – я тебя покачаю, и ты опять засыпаешь») ее реакции. Если ребенок испуган, рассержен, он вправе ожидать, что его эмоции будут адекватно отзеркалены матерью: «Ты испугался», «Ты сердился» – что означает: «я тебя вижу, я тебя понимаю». В данном случае отклик в ситуациях подобного рода был иным: «Нет-нет, ты ведь не сердился» (не боишься, и т.п.). Не желая просыпаться в детсад, Алиса слышала по-взрослому непрерываемое: «Ты уже большая девочка», – хотя таковой себя в те минуты не ощущала. Мама не была способна принять свою дочь как личность со всеми ее радостями, потребностями, тревогами – и либо искала в ней собственное отражение, навязывая свою реальность, либо, говоря языком Х.Кохута, «фрагментировала» ее самость («Мама, я сегодня получила пять!» – «Хорошо, но почему у тебя ногти не подстрижены?»). Я предполагаю, что образ незнакомой женщины из сновидения о парикма-

херской, с которым Алиса сравнивала себя, не видя сходства, и был отзеркаливающим образом матери. Отражаясь в нем, девочка не узнавала себя.

Развившийся в терапии перенос был достаточно сложным для всестороннего описания в рамках статьи. Я выделю лишь основные его грани. С одной стороны, придя ко мне, пациентка реализовала, наконец, фантазию о встрече с отцом, который «не умер», а просто стал «выглядеть совершенно иначе». Охотно ассоциируя и неуклонно соблюдая условия контракта, она демонстрировала детскую, подчиненную позицию, подстраховывалась от моего возможного «ускользания»: напомним, что исчезновения отца в детстве переживались ею как результат собственной непослушности, «плохости». Позволяя себе «дремать» в моем присутствии, она показывала, что готова переступить барьер, который не способна преодолеть ночью, – то есть «прийти к отцу в Зазеркалье». В другом аспекте я в то же время оставался «контролирующей матерью». Алиса была послушно засыпающей дочкой, я – взрослым, радующимся, что ребенок не доставляет ему хлопот. Вместе с тем, она искала и не находила во мне свое подлинное отражение. «Узнай себя!» – требовал я в ее сновидении и в своем кабинете одновременно, и слышал в ответ: «Дома я в зеркале не такая! Если наши зеркала кривые, как можем мы с Вами узнать себя, понять, кто мы есть?».

То, что и я «не узнавал себя» в зеркале пациентки, может объясняться по-разному. Если принять версию М.Пордера, речь о которой шла выше, – возможно, на глубоко бессознательном уровне отношений пациентка сама идентифицировалась с матерью, стремясь усыпить меня потоком ассоциаций и не интересуясь моими ответными реакциями. Я испытывал в эти минуты желание проснуться, заявить о себе, завладеть вниманием, но она лишь продолжала меня убаюкивать, чтобы я «не причинял хлопот». Неуклонное повторение жестов заставляло вспомнить о технике нейролингвистического программирования, и я только позднее понял, какие слова Алисы при этом маячили где-то на окраине моего сознания. Это были слова: «мать навязчиво присутствовала рядом». Тревога, которую я ощущал, была тревогой ребенка, пытающегося уцепиться за реальность, как за соломинку. Если в моих представлениях о роли проективной идентификации есть рациональное зерно, можно допустить, что пациентка позволяла мне таким образом пережить и почувствовать то, чего она не могла вербализовать.

Другой вариант объяснения состоит в том, что в рамках комплементарного контрпереноса я принимал материнскую роль и так же, как мать, навязывал пациентке реальность, отталкивал, пытался найти в ней себя

вместо ее самой. Она копировала мои жесты, выказывая потребность в симбиотическом слиянии; я же сопротивлялся симбиозу – сменой позы, настойчивым желанием проснуться и разбудить ее, сухой интонацией реплики: «На сегодня все». Ее отклик на последнюю – «Вы со мной как со взрослой!» – напоминал о мучительных пробуждениях «уже большой» девочки, которой пора идти в детский сад. Мать, препятствующая индивидуации ребенка, нередко подталкивает его к преждевременной сепарации: «В этом возрасте правильные дети не должны так липнуть к маме». Наконец, я не исключаю, что справедливы оба ответа. Все, происходившее между матерью и дочерью, было обоюдно, все – симметрично. Обе они смотрелись друг в друга; обе искали друг в друге свою реальность и не могли отыскать.

Мы встречались с Алисой около полутора лет. Сновидение о парикмахерской, прозвучавшее на втором месяце нашей работы, за это время существенно расширило свой смысл. В парикмахерскую приходят для того, чтобы, обретя истинное Я, начать узнавать себя в зеркалах. Моя пациентка начала себя узнавать – все глубже. Ее перестало тяготить предчувствие бессонницы; ей удавалось засыпать без помощи снотворного, и не только под утро. Как я предполагал, улучшение было результатом анализа тревоги перехода к эдиповой ситуации – шага за ту грань, откуда нет возврата к незавершенному самообретению, к симбиозу. Алиса стала говорить о возможности скорого окончания терапии. Мы планировали обсудить этот вопрос до конца года. Но уже на последнюю в ноябре сессию она не пришла.

Она сообщила незадолго до того, что укладывается спать теперь без страха и спит так, словно отсыпается за всю предшествующую жизнь. Однажды я услышал от нее загадочную фразу: «Может быть, на самом деле я только сейчас просыпаюсь?». От предложения обсудить эти слова она уклонилась и больше не возвращалась к ним.

С тех пор я часто спрашивал себя: не были ли мои версии и выводы успокоительными рационализациями? Меня иногда посещает мысль, что наука, умея истолковать все на свете, далеко не все способна постичь. И, возможно, то, что мы в силу ученого снобизма относим к разряду мистики или суеверий, просто недоступно инструментам исследования? Кто знает, не расположен ли за гранью зеркала и порогом сна, действительно, иной мир, параллельный нашему, – мир со своими законами, гармонией и логикой, куда мы можем лишь мельком заглядывать? И не помог ли я Алисе, сам того не подозревая, переступить эту грань?

Июль 2003 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Любан-Плюца Б., Пельдингер В., Креггер Ф.* Психосоматический больной на приеме у врача. СПб: НИИ им. В.М.Бехтерева, 1996, с.113-114.
- Рождественский Д.С.* Новые заметки о проективной идентификации. // Вестник психоанализа, 2, 2001. СПб: ВЕИП, 2001, с.39-44.
- Bion W.* Attack on linking. // W.Bion. Second Thoughts. London: Hogarth Press, 1959, p.93-109.
- Kernberg O.* Notes on countertransference // J.Amer. Psychoanal. Assoc., 13, 1965, p.38-56.
- Marty P., M. de M'Uzan.* La Pensee Operatoire. // Revue Francaise de Psychanalyse, 27, 1963, p.345-356.
- Porder M.* Projective identification: an alternative hypothesis. // Psychoanal. Quart., 56, 1987, p.431-451.